

чисто русских традиций...".¹ Вдали от родины, в непрерывных боях с „бусурманами“ их патриотическое чувство крепло. Подобно средневековым эпическим богатырям, стоящим „на заставе“, они чувствовали себя представителями всего своего народа, государства и веры. Подобно им, казаки говорят в повести, что бьются и умирают „за все государство Московское“ (149) „и за веру крестьянскую, и за имя царское и все крестьянство московское“ (153). Но в то же время казаки ясно видели, что в важнейшем для них деле борьбы за Азов московские власти ведут уклончивую, а подчас и вероломную политику. На земском соборе как раз крупное боярство отнеслось наиболее холодно и нечувствительно к просьбе Войска принять Азов.

Повесть с исключительной точностью отражает, таким образом, те противоречивые исторические условия жизни казачества, которые и порождали у него, с одной стороны, прославление Московского государства, сознание высокого патриотического значения „своей службы“ на его „украинах“, наивную идеализацию царя, а с другой — поддерживали исконную вражду к боярам-угнетателям, которая как две капли воды похожа на отношение былинных богатырей к „боярам кособрюхим“.² По вине же этих последних и „служба“ казачества, как и „служба“ богатырей, не встречала „на Руси“ соответствующей оценки.

Содержание казачьей „речи“ казалось бы, видимо, автору неполным, если бы оно ограничилось публицистическим раскрытием московскому читателю насущных проблем, вызванных азовскими событиями. Казаки рисуют еще ту перспективу, которая могла бы открыться, по мысли автора, в случае успешного исхода борьбы за Азов и присоединения его к России. Насмешливо отвечая на предложение турок перейти на службу к султану, казаки иронически обещают побывать в Цареграде, посмотреть его „строение“, послужить Ибрагиму „своими сабельки вострыми“. Это вызывает на память известные исторические обстоятельства: „Предки ваши, бусурманы поганые“, взяли Царьград, убили „Константина благовернаго... , искоренили до конца всю веру крестьянскую“ (141). Казаки грозят возмездием и, по меткому замечанию Ф. Буслаева, „как средневековые рыцари замышляют новый крестовый поход“.³

Эта идея тоже не случайна. Мысль об освобождении Царьграда от власти „бусурман“ издавна была популярна на Руси. Она, как известно, отразилась и в Повести о взятии Царьграда,⁴ и в былинах, где Илья Муромец, узнав, что в Цареграде и в Иерусалиме вера „не по прежнему“, едет туда и побеждает „поганое Идолище“. Но наиболее реально и живо эта идея осознавалась среди казаков, которые постоянно разоряли турецкие приморские города и еще на живой памяти участников

¹ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 63; см. 64, 65.

² А. Марков. Беломорские былины. М., 1901, стр. 42, 45 и др.

³ Ф. Буслаев. Русская хрестоматия, изд. 13-е, М., 1917, стр. 282.

⁴ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 3-е, М., 1945, стр. 249—250.